

О р а с с к а з е И. А. Б у н и н а «С в и д а н ь е» и п о с в я щ е н и и «М. П. Ч.»

И в а н о в а , Н а т а л ь я
О р а с с к а з е И. А. Б у н и н а «С в и д а н ь е» и п о с в я щ е н и и «М. П. Ч.»
Literatūra, vol. 62, núm. 2, 2020
Vilniaus Universitetas, Lituania
Disponible en: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=695174477011>
DOI: <https://doi.org/10.15388/Litera.2020.2.11>

Esta obra está bajo una Licencia Creative Commons Atribución 4.0 Internacional.

О рассказе И. А. Бунина «Свиданье» и посвящении «М. П. Ч.»

On I. A. Bunin's Story *The Date* and the Dedication to "M. P. Ch."

Apie I. Bunino apsakymą „Pasimatymas“ ir dedikaciją „M. P. Č.“

Наталья Иванова nfi@inbox.ru

Кафедра филологии Гуманитарный институт, Federación de Rusia

Literatūra, vol. 62, núm. 2, 2020

Vilniaus Universitetas, Lithuania

Recepción: 19 Agosto 2020

Aprobación: 05 Septiembre 2020

DOI: <https://doi.org/10.15388/Litera.2020.2.11>

Redalyc: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=695174477011>

Резюме: В данной статье публикуется малоизвестный рассказ И. А. Бунина 1902 г. «Свиданье» с посвящением «М. П. Ч.», хранящийся в личном архиве Марии Павловны Чеховой. Делается попытка проследить авторские изменения в рассказе к 1907 г., которые позволили писателю снять посвящение и изменить название – «Счастье». Эта правка не устроила Бунина, в Париже он еще раз изменяет текст рассказа, дав другое название – «Заря всю ночь». Приводится текст рассказа «Свиданье» и текст рассказа «Счастье» по сборнику «Корабли» 1907 г., уточняется место его издания.

Ключевые слова: Иван Бунин, Мария Чехова, рассказ «Свиданье», рассказ «Счастье», «Заря всю ночь», русская литература.

Abstract: . This article publishes a little-known story by I. A. Bunin in 1902 – *The Date* – with the dedication "M. P. Ch.", stored in the personal archive of Maria Pavlovna Chekhov. An attempt is made to trace the author's changes in the story to 1907, which made it possible to remove the dedication and change the original title to *Happiness*. This edit did not suit Bunin; in Paris he once again changes the text of the story, giving a different name – *Dawn All Night*. Not only is the text of the story *Happiness* based on the 1907 collection *Korabli*, but the place of its publication is specified.

Keywords: Ivan Bunin, Maria Chekhov, the story "The Date", the story "Happiness", "Dawn all night", Russian literature.

Summary: Straipsnyje publikuojamas mažai žinomas Ivano Bunino 1902 metų apsakymas „Pasimatymas“ (Svidan'ė) su dedikacija „M. P. Č.“, saugomas asmeniniame Marijos Pavlovnos Čechovos archyve, ir apsakymas „Laimė“ (Schast'ė) iš 1907 metų rinkinio „Laivai“ (Korabli), nurodoma pastarojo apsakymo paskelbimo vieta. Stengiamasi atsekti autoriaus darytus pakeitimus „Pasimatyme“ iki 1907 m., po kurių rašytojas pašalina dedikaciją ir pakeitė „Pasimatymo“ pavadinimą į „Laimę“. Redagavimas Bunino netenkino, tad Paryžiuje jis dar kartą pakeitė apsakymo tekstą, suteikdamas jam kitą pavadinimą – „Aušra visą naktį“.

В июле 1902 г. в седьмом номере журнала «Русская мысль» появился рассказ И. А. Бунина «Свиданье» с посвящением – «М. П. Ч.», то есть Марии Павловне Чеховой¹. Оттиск рассказа из журнала хранится в архиве М. П. Чеховой, ее рукой черными чернилами на 1 листе написано: «1902 г. июль»².

Писатель трижды менял название рассказа. Так, в книге «Жизнь Бунина. Беседы с памятью» Вера Николаевна Муромцева-

Бунина отмечала: «1904 годом помечено 17 стихотворений и рассказ “Счастье” (переименованный потом в “Заря всю ночь”» (Муромцева-Бунина 1989, 238). Однако первоначально рассказ назывался «Свиданье» и затем был переименован в «Счастье». Знала ли она о первой публикации с посвящением?

В полном собрании сочинений Бунина в 9-ти томах в примечаниях указано:

З а р я в с ю н о ч ь (стр. 261). – Журн. “Русская мысль”, М. 1902, №7, июль, под заглавием “Свиданье”, с посвящением М. П. Чеховой ³. В коллективный сборник “Корабли”, книгоиздательство “Гриф”, М. 1907, вошел под заглавием “Счастье”. Печатается по тексту газеты “Возрождение”, Париж, 1926, № 446, 22 августа. В полном собрании сочинений и в последней публикации ошибочно датирован 1903 годом. Датируется по первой публикации.

(Бунин 1965: II, 515)

Действительно, в 1907 г. в сборник «Корабли. Сборник стихов и прозы» вошел рассказ Бунина под заглавием «Счастье», без посвящения «М. П. Ч.». Однако вышел он не в издательстве «Гриф», как указано в девятитомном собрании сочинений, место издания – Москва, Издатель «Типография И. Н. Холчев и К°» (Корабли 1907, 47–54).

Внесенные в рассказ «Счастье» изменения не устроили автора, в Париже он еще раз перерабатывает текст и дает ему другое название – «Заря всю ночь».

В письмах Чехова нет ни слова о бунинском рассказе, о посвящении, зато Ольга Леонардовна Книппер-Чехова 23 июля 1902 г. в Ялту из Любимовки ⁴, где отдыхала вместе с мужем, написала Марии Павловне: «Прочла “Свиданье” Бунина, посвященное тебе, и многое поняла...» (О. Л. Книппер – М. П. Чехова. Переписка 2016: I, 101) ⁵.

Что могла понять из бунинского «Свиданья» Ольга Леонардовна? Почему в «Свиданье» исчезло посвящение «М. П. Ч.»? Насколько изменил писатель рассказ, что решил дать ему другое название – «Счастье»?

Начинается рассказ с чудесного описания весеннего дождя. В. Н. Муромцева вспоминала, что «начало этого рассказа с описанием дождя восхитило Л. Н. Толстого. Не помню, в чьих воспоминаниях мы читали, что он сказал: “Ни я, ни Тургенев не написали бы так дождь...”» (Муромцева-Бунина 1989, 238).

Рассказ «Свиданье»*.

Перед закатом шел дождь, полно и однообразно шумя по саду вокруг дома, и в незакрытую форточку в зале тянуло сладкой свежестью мокрой майской зелени. Гром грохотал над крышей, гулко разрастаясь, когда молния красным блеском мелькала по залу, от нависавших туч темнело, а часы показывали половину двенадцатого, и трудно было понять, – действительно наступают сумерки или это только так кажется. Потом приехали с поля в мокрых чекменях работники и стали распрягать у сарая грязные сохи, потом пригнали

стадо, наполнившее всю усадьбу блеянием ягнят. Бабы с криком бегали по двору за овцами, подоткнув подола и блестя белыми босыми ногами по траве; запыхавшийся пастушонок в огромной шапке и растрепанных лаптях раз десять пробежал по саду, гоняясь за коровой и почти с головой пропадая в облитых дождем лопухах, когда корова с треском кидалась в чашу... Наступала ночь, дождь прекратился, но отца, ушедшего в поле еще утром, все не было. Я была одна дома, но я, по обыкновению, не скучала; мне только сравнялось тогда семнадцать лет, и я еще не успела насладиться ни своей ролью хозяйки, ни своей свободой после гимназии. Брат Паша учился в кадетском корпусе, Анюта, вышедшая замуж еще при жизни мамы, жила в Курске, так что мы с отцом провели мою первую деревенскую зиму и весну в уединении. Однако, зима прошла спокойно и незаметно, потому что я переживала тот период молодости, когда все кажется интересным. Я была здорова и красива, я нравилась самой себе... нравилась даже за то, что мне легко ходить и бегать, работать что-нибудь по дому или отдавать какое-нибудь приказание. На ходу и за работой все выходило у меня как-то само собою. Напевая, я сочиняла собственные мотивы, которые меня трогали; увидав себя в зеркале, я невольно улыбалась... И кажется, все было мне к лицу, хотя я одевалась просто. Как только дождь прошел, я накинула на плечи шаль и, подхватив юбки и шлепая калошами по лужам, побежала к варку, где бабы доили коров. Несколько капель упало с неба на мою открытую голову, но легкие неопределенные облака, высоко стоявшие над двором, уже расходились, и на дворе реял странный, бледный полусвет, как всегда бывает у нас в майские ночи. Свежесть мокрых трав и зелени доносилась с поля, мешаясь с запахом дыма из топившейся «людской». На минуту я заглянула туда, – работники, молодые мужики в белых замашных рубашках сидели вокруг большого стола за чашкой щей и при моем появлении встали, – а я подошла к столу и, улыбаясь над тем, что я бежала и запыхалась, сказала: – А папа где? Он был в поле? – Они были ненадолго и уехали, – ответило мне несколько голосов сразу. – На чем и куда? – спросила я. – На дрожках, с барчуком Сиверсом. – Разве он приехал? – чуть не сказала я, пораженная этим неожиданным приездом, но, вовремя спохватившись, только кивнула головой и поскорее вышла. И щеки у меня загорелись, и на душе сразу стало и хорошо, и жутко, и так жаль стало всего, что я любила дома! Сиверс, кончив Петровскую академию, отбывал тогда воинскую повинность, и его внезапный приезд и обрадовал и испугал меня. Меня еще в детстве называли его невестой, – мы были соседи, – и в детстве он не нравился мне за это, но потом мне уже нередко думалось о нем, как о женихе; а когда он, уезжая в августе в полк, приходил к нам в солдатской блузе с погонами и, как все вольноопределяющиеся, с удовольствием рассказывал о «словесности» фельдфебеля-малоросса, я уже начала свыкаться с странной мыслью, что я буду его женою. Веселый, загорелый (резко белела у него только половина лба) он был очень мил мне тогда... «Значит, он взял отпуск», – взволнованно думала я, идя к варку,

и было очень приятно, что он приехал, очевидно, для меня, и в то же время на душе становилось все более тревожно. Чтобы пока не думать об этом, я торопилась в дом приготовить отцу ужин, но когда я вошла в прихожую, отец уже ходил по залу, стуча сапогами. Почему-то я необыкновенно обрадовалась ему и, быстро войдя в зал, крепко поцеловала ему руку. Шляпа у него была сдвинута на затылок, борода растрепана, длинные сапоги и чесунчиковый пиджак закиданы грязью, но он показался мне в эту минуту олицетворением мужской красоты и силы. – Папочка, отчего ты не зажег лампу? – спросила я. – Не стоит, Натата, – ответил он, называя меня, как в детстве. – Я сейчас лягу и ужинать не буду. Устал ужасно, и притом, знаешь, который уже час? Почти десять. Разве стаканчик молока, – прибавил он, кидая шляпу в кресло. Я опять потянулась к лампе, но он замахал головою, и, разглядывая стакан на свет, нет ли мухи, выпил молоко медленными глотками. Соловьи уже пели в саду, и в те три окна, что были на северо-запад, виделось далекое светло-зеленое небо над лиловыми весенними тучками нежных и красивых очертаний. Все было неопределенно и на земле, и в небе, все смягчено легким сумраком ночи и все можно было разглядеть в полусвете непогасавшей зари. Я спокойно отвечала отцу на вопросы по хозяйству, но что-то другое было у меня в голове, и когда он внезапно сказал, что завтра к нам придет Сиверс, я почувствовала, что краснею. – Зачем? – спросила я невольно. – Свататься за тебя, – ответил отец с принужденной улыбкой. – Мы уже пропили тебя. Что ж, малый красивый, умный, будет хороший хозяин... Чем вам не пара, сударыня? – Не говори так, папочка! – сказала я, смущаясь еще более, и на минуту мне стал неприятен весь этот разговор. – Неужели я уже наскучила тебе? И на глазах у меня навернулись слезы. Отец долго, но совершенно рассеянно глядел на меня с грустным и задумчивым лицом... – Ну, до этого еще далеко! – проговорил он, наконец, подымаясь. Потом вздохнул, поцеловал меня в лоб и быстро пошел к дверям кабинета. – Утро вечера мудренее! – прибавил он беспечно, оборачиваясь в дверях. – Просыпайся завтра пораньше, мне на станцию надо съездить... И я опять осталась одна. Сонные мухи, потревоженные нашим разговором, тихо гудели на потолке, мало-помалу задремывая, часы зашипели и звонко и печально прокуковали три раза, – значит, было уже одиннадцать, позднее время для деревенской усадьбы. Неопределенно улыбаясь, я посидела, подумала... – Ну, до этого еще далеко! – пришли мне в голову успокоительные слова отца, и опять мне стало хорошо и легко, и как-то счастливо-грустно... Отец уже спал, – в кабинете было давно тихо, – и все в усадьбе тоже спало. Не спали только соловьи да заря на северо-западе, и мне казалось так естественно провести наедине с ними всю ночь. Что-то блаженно-сладостное было в тишине ночи после дождя и старательном выщелкивании соловьев, что-то неуловимо-прекрасное реяло в далеком полусвете зари... И стараясь не шуметь, я стала осторожно убирать со стола, переходя на цыпочках из комнаты в комнату, поставила в холодную печку

в прихожей молоко и масло, прикрыла чайный сервиз салфеткой, машинально съела хлеба с медом и только уже тогда прошла в свою спальню. Это не разлучало меня с соловьями и зарей. Ставни в моей комнате были закрыты, но комната моя была рядом с гостиной и в открытую дверь, через гостиную, я видела полусвет в зале, а соловьи были слышны во всем доме. Распустив волосы, я долго сидела на постели, все собираясь о чем-то подумать, потом закрыла глаза, облокотясь на подушку, и внезапно заснула. Кто-то явственно сказал вдруг надо мною «Сиверс!» и, вздрогнув, я очнулась. – Однако, что же это такое? – пришла мне в голову трезвая мысль. – Что, если он в самом деле сделает мне завтра предложение? Откинув с постели одеяло, я быстро подколола волосы, чтобы поскорее улечься и подумать серьезно, осторожно сняла ботинки, стараясь не стукнуть ими об пол, потом стала раздеваться... И вдруг мысль о муже сладким холодом пробежала по всему моему телу, краска стыда и внезапной страсти залила мне лицо и, спрятавшись под одеяло, я прильнула лицом к подушке, и сознание у меня затуманилось от неизъяснимо-сладкого чувства. Я лежала долго, без мыслей, точно в забытьи, и только наслаждалась тем, что во мне происходило... Потом стало представляться, что я одна во всей усадьбе, уже замужняя, и что вот в такую же ночь муж вернется когда-нибудь из города, войдет в дом и снимет в прихожей пальто тихо-тихо, а я уже слышала звук колес и сдержанные голоса под крыльцом и тоже тихо-тихо выйду к мужу навстречу... Как он должен обрадоваться и засмеяться, как он легко поднимет меня на руки, полураздетую, и крепко прижмет к сердцу!.. И мне уже стало казаться, что я люблю его. Муж! Какое это большое и хорошее слово!.. Я крепче прижалась к подушке, не теряя нити сладких чувств и мыслей, и мне уже мучительно стало хотеться осуществления их. Сиверса я знала тогда мало, мужчина, с которым я мысленно проводила эту самую нежную ночь моей первой любви, был не похож на него, и все-таки мне казалось, что я думаю о Сиверсе. Я почти год не видала его, а ночь делала его образ еще более неопределенным, красивым и желанным. Было тихо, темно, я лежала не двигаясь, лежала долго и все более теряла чувство действительности. «Что-ж, малый красивый, умный...» приходили мне в голову слова отца. И я улыбалась, глядя в темноту закрытых глаз, где плавали какие-то светлые пятна и лица. «Милый!» – повторила я несколько раз с наслаждением и снова стала забываться в том неопределенном, что происходило во мне... А меж тем чувствовалось, что наступил глубокий час ночи. «Если бы Маша была дома, – подумала я про горничную, моего большого друга, – я бы пошла сейчас к ней и мы проговорили бы до рассвета... Но нет, – опять подумала я, – так лучше. Как хорошо, что я одна! Я возьму ее к себе, когда выйду замуж...» Что-то робко треснуло в зале... Я насторожилась. Как хорошо, что так жутко и так странно все! И когда я, наконец, открыла глаза, мне показалось, что в зале стало как будто темнее, чем прежде. И все вокруг меня и во мне самой уже изменилось и жило иной жизнью, – особой ночной жизнью, которая

становится так непонятна, когда о ней вспомнишь утром. Соловьи умолкли, – медленно и таинственно щелкал только один, живший в эту весну у балкона, маятник в зале тикал осторожно и размеренно точно, а тишина в доме стала напряженной и чуткой. И невольно прислушиваясь к каждому шороху, я приподнялась на постели и почувствовала себя в полной власти этого таинственного ночного часа, созданного для поцелуев, для воровских объятий, и самые невероятные предположения и ожидания стали казаться мне вполне естественными. Я вдруг вспомнила шутовское обещание Сиверса прийти как-нибудь ночью в наш сад на свидание со мной, и вот мне уже стало казаться, что это непременно случится сегодня. А что если он не шутил? Что если он медленно и неслышно подойдет к балкону? Боже мой, – думала я с восторгом, – что можно было бы отдать за такое счастье! Облокотившись на подушку, я смотрела в зыбкий сумрак гостиной, и лицо у меня горело от волнения и я, минута за минутой, пережила в воображении все, что я сказала бы ему едва слышным шепотом, отворяя дверь балкона. Соловей поет с такой затаенной страстью, в саду так все напоено ароматом, – и вот я едва слышно отворяю ему балкон, и он уводит меня по сырому песку аллеи все дальше от дома, в глубину мокрого сада, в душистую сиреневую беседку... Сколько раз я мечтала в молодости о таких свиданиях, начитавшись стихов плохих поэтов, преимущественно воспевающих соловьев и свидания, и как странно, что за всю мою молодость я пережила только одно вымышленное свидание! Точно во сне, – только в глубине души сознавая, что я делаю глупости, обманываю себя, как ребенка, – я стала медленно, подавляя внутреннюю дрожь, одеваться. Куда? К нему, – отвечала я себе твердо и радуясь тому, что я мысленно произношу это с такой решительностью. – Все может быть, все может случиться... В августе, в жаркую темную ночь, я вот также не спала и томила, а он бродил по деревне и всю ночь пел где-то далеко казацкие песни. Разве это не может повториться? И помню, никакого стыда у меня не было, когда я собиралась. Зубы у меня изредка стучали, лицо горело, но я одевалась тщательно, нашла в темноте все, что нужно, накинула шаль на плечи и, выйдя в гостиную, с бьющимся сердцем, как вор, остановилась у двери на балкон. Потом, убедившись, что в доме не слышно ни звука, кроме мерного тиканья часов и соловьиного эхо, сильно и бесшумно повернула ключ в замке. И тотчас же соловьиное щелканье, отдававшееся по саду, стало слышнее, напряженная тишина исчезла, и грудь свободно и глубоко вздохнула душистой сыростью ночи. По длинной аллее молодых березок, по мокрому песку дорожки, я уверенно и быстро, хотя и затаивая внутреннюю дрожь, пошла в полусвете зари, затемненном тучками на севере, прямо к гуще в конце сада, где была сиреневая беседка среди тополей и осин. Было так тихо, что слышно было редкое падение капель с нависших ветвей. Все дремало, наслаждаясь своей дремотой, только соловей томился своей сладкой песней. В каждой тени мне чудилась человеческая фигура, с которой я не спускала глаз, сердце у меня замирало от нервного волнения, и когда

я, наконец, вошла с бьющимся сердцем и расширенными глазами в темноту сиреневой беседки и на меня пахло ее теплотой, я была почти уверена, что кто-то тотчас же неслышно и крепко возьмет меня в объятия! Никого, однако, не было, и постояв, дрожа от волнения и вслушиваясь в мелкий сонный лепет осин, я, наконец, села на сырую скамью беседки и крепко закрыла горящее лицо холодными руками. Я еще чего-то ждала, ждала долго, хотя уже почти безнадежно, и порою быстро взглядывала в сумрак рассвета. И еще долго близкое и неуловимое веяние счастья чувствовалось вокруг меня, – то нечто страшное и большое, что в тот или иной момент встречает почти всех нас на пороге жизни. Оно вдруг раскрылось предо мной и коснулось меня и, может быть, сделало именно то, что нужно было сделать: коснуться и уйти. Помню, впрочем, что все те нежные и сладкие слова, которые раздавались в моей душе и к которым я прислушивалась сама, вызвали, наконец, на мои глаза слезы. Прижавшись к стволу тополя, я тихо целовала мокрую ветку сирени, ловила, как чье-то нежное утешение, слабо возникающий и замирающий лепет осины и была почти счастлива сознанием своей молодости и одиночества, и своими медленными, беззвучными слезами... Ночь тянулась еще долго-долго, и я проследила весь ее сокровенный переход к рассвету. Я видела, как сумрак стал бледнеть и таять, исчезая, точно призрак. Видела, как заалело непогожее белесое облако на севере, сквозившее сквозь вишенник сада, в отдалении. Свежело, я крепче куталась в шаль, а в светлеющем просторе неба, который на глазах делался все больше, дрожа вставала чистая, как слеза, яркая и целомудренная утренняя звезда. Я ни о ком уже не думала и чувствовала, что, скорее всего, я ни за кого не выйду замуж. Но кого-то я любила, – кажется, больше всего себя и то неосуществимое, чего мне хотелось. И любовь моя была во всем: в холоде и аромате утра, в свежести зеленого сада, в этой яркой утренней звезде... И вдруг послышался резкий визг водовозки, – кто-то ехал мимо сада на речку... Потом на дворе кто-то крикнул сиплым, но свежим, утренним голосом... И сразу затаив где-то глубоко в душе все, что мне дала эта ночь, я встала со скамьи, машинально выбралась из беседки, быстро дошла до балкона, легко и бесшумно отворила дверь, и, войдя в теплую темноту своей спальни, не раздеваясь тотчас же легла в постель и заснула. Сиверс, который пришел к нам утром, стрелял в саду в галок, а мне казалось, что в мою комнату вошел пастух и хлопает большим кнутом. Но это не мешало мне спать крепко, крепко. Когда же я, наконец, проснулась, в зале раздавались голоса и гремели тарелками. Потом к моим дверям подошли отец и Сиверс, и Сиверс весело крикнул мне: – Наталья Алексеевна! Стыдно! А мне, и правда, было стыдно, – стыдно выйти к нему после моей странной ночи, стыдно, что я откажу ему, если он будет просить моей руки, и неловко торопясь одеться и поглядывая в зеркало на свое побледневшее лицо, я что-то шутливо и приветливо крикнула в ответ, но так слабо, что он, вероятно, не расслышал..

Рассказ «Счастье»**

На закате шел дождь, полно и однообразно шумя по саду вокруг дома, и в незакрытую форточку в зале тянуло сладкой свежестью мокрой майской зелени. Гром грохотал над крышей, гулко разрастаясь, когда красноватая молния мелькала по залу, от нависавших туч темнело, и трудно было понять, действительно наступают сумерки или это только так кажется. Потом приехали с поля в мокрых чекменях работники и стали распрягать у сарая грязные сохи, потом пригнали стадо, наполнившее всю усадьбу блеснием ягнят. Бабы с криком бегали по двору за овцами, подоткнув подола и блестя белыми босыми ногами по траве; запыхавшийся пастушонок в огромной шапке и растрепанных лаптях гонялся по саду за коровой и почти с головой пропадал в облитых дождем лопухах, когда корова с шумом кидалась в чашу... Наступала ночь, дождь прекратился, но отец, ушедший в поле еще утром, все не возвращался. Я была одна дома, но не скучала; мне только что сравнялось тогда семнадцать лет, и я еще не успела насладиться ни своею ролью хозяйки, ни свободой после гимназии. Брат Паша учился в корпусе, Анюта, вышедшая замуж еще при жизни мамы, жила в Курске, так что мы с отцом провели мою первую деревенскую зиму в уединении. Однако, зима прошла спокойно и весело. Я была здорова и красива, нравилась самой себе... нравилась даже за то, что мне легко ходить и бегать, работать что-нибудь по дому или отдавать какое-нибудь приказание. За работой все выходило у меня как-то само собою. Напевая, я сочиняла собственные мотивы, которые меня трогали. Увидав себя в зеркале, я невольно улыбалась... И, кажется, все было мне к лицу, хотя я одевалась просто. Как только дождь прошел, я накинула на плечи шаль и, подхватив юбки, побежала к варку, где бабы доили коров. Несколько капель упало с неба на мою открытую голову, но легкие неопределенные облака, высоко стоявшие над двором, уже расходились, и на дворе реял странный, бледный полусвет, как всегда бывает у нас в майские ночи. Свежесть мокрых трав доносилась с поля, мешаясь с запахом дыма из топившейся «людской». На минуту я заглянула туда, – работники, молодые мужики в белых замашных рубахах сидели вокруг большого стола за чашкой щей и при моем появлении встали, а я подошла к столу и, улыбаясь над тем, что я бежала и запыхалась, сказала: – А папа где? Он был в поле? – Они были ненадолго и уехали, – ответило мне несколько голосов сразу. – На чем? – спросила я. – На дрожках, с барчуком Сиверсом. – Разве он приехал? – чуть не сказала я, пораженная этим неожиданным приездом, но, вовремя спохватившись, только кивнула головой и поскорее вышла. Щеки у меня загорелись, на душе стало хорошо и жутко, и так жаль всего, что я любила дома! Сиверс, кончив Петровскую академию, отбывал тогда воинскую повинность. Меня еще в детстве называли его невестой, – мы были соседи, – и в детстве он не нравился мне за это. Но потом мне уже нередко думалось о нем, как о женихе; а когда он, уезжая в августе в полк, приходил к нам в солдатской блузе с погонами и, как все вольноопределяющиеся, с удовольствием рассказывал

о «словесности» фельдфебеля-малоросса, я уже начала свыкаться с странной мыслью, что буду его женою. Веселый, загорелый – резко белела у него только половина лба – он был очень мил мне тогда...«Значит, он взял отпуск», – взволнованно думала я, и было очень приятно, что он приехал, очевидно, для меня, но, в то же время, на душе становилось все тревожнее. Чтобы пока не думать об этом, я торопилась в дом приготовить отцу ужин, но, когда я вошла в лакейскую, отец уже ходил по залу, стуча сапогами. Почему-то я необыкновенно обрадовалась ему и, быстро войдя в зал, крепко поцеловала его левую руку. Шляпа у него была сдвинута на затылок, борода растрепана, длинные сапоги и чесунчиковый пиджак закиданы грязью, но он показался мне в эту минуту олицетворением мужской красоты и силы. – Папочка, отчего ты не зажег лампу? – спросила я. – Не стоит, Натата, – ответил он, называя меня, как в детстве. – Я сейчас лягу и ужинать не буду. Устал ужасно, и притом, знаешь, который уже час? Почти десять. Разве стакан молока, – прибавил он, кидая шляпу в кресло. Я потянулась к лампе, но он замахал головою, и, разглядывая стакан на свет, нет ли мухи, выпил молоко медленными глотками. Соловьи уже пели в саду, и в те три окна, что были на северо-запад, виделось далекое светло-зеленое небо над лиловыми весенними тучками нежных и красивых очертаний. Все было неопределенно и на земле, и в небе, все смягчено легким сумраком ночи и все можно было разглядеть в полусвете непогасавшей зари. Я спокойно отвечала отцу на вопросы по хозяйству, но что-то другое было у меня в голове, и когда он внезапно сказал, что завтра к нам придет Сиверс, я почувствовала, что краснею. – Зачем? – спросила я невольно. – Свататься за тебя, – ответил отец с принужденной улыбкой. – Мы уже пропили тебя. Что ж, малый красивый, умный, будет хороший хозяин... Чем вам не пара, сударыня? – Не говори так, папочка! – сказала я, смущаясь еще более, и на глазах у меня навернулись слезы. Отец долго глядел на меня задумчивым и рассеянным взглядом. – Ну до этого еще далеко! – проговорил он, наконец, подымаясь. И, вздохнув, поцеловал меня в лоб и быстро пошел к дверям кабинета. – Утро вечера мудренее, – прибавил он, оборачиваясь в дверях. – Просыпайся завтра пораньше, мне на станцию надо съездить... И опять я осталась одна. Сонные мухи, потревоженные нашим разговором, тихо гудели на потолке, мало-помалу задремывая, часы зашипели и звонко и печально прокуковали одиннадцать, – позднее время для деревенской усадьбы... Неопределенно улыбаясь, я посидела, подумала... – Ну, до этого еще далеко! – пришли мне в голову успокоительные слова отца, и опять мне стало легко и как-то счастливо-грустно... Отец уже спал, – в кабинете было давно тихо, – и все в усадьбе тоже спало. И что-то блаженно-сладостное было в тишине ночи после дождя и старательном выщелкивании соловьев, что-то неуловимо-прекрасное реяло в далеком полусвете зари. Стараясь не шуметь, я стала осторожно убирать со стола, переходя на цыпочках из комнаты в комнату, поставила в холодную

печку в прихожей молоко, мед и масло, прикрыла чайный сервиз салфеткой и только уже тогда прошла в свою спальню. Это не разлучало меня с соловьями и зарей. Ставни в моей комнате были закрыты, но комната моя была рядом с гостиной и в отворенную дверь, через гостиную, я видела полусвет в зале, а соловьи были слышны во всем доме. Распустив волосы, я долго сидела на постели, все собираясь что-то решить, потом закрыла глаза, облокотясь на подушку, и внезапно заснула. Кто-то явственно сказал вдруг надо мною «Сиверс!» и, вздрогнув, я очнулась.— Однако, что же это такое? — подумала я. — Что, если он, в самом деле, сделает мне завтра предложение? Откинув одеяло, я быстро подколола волосы, осторожно сняла ботинки, стараясь не стукнуть ими, потом стала раздеваться... И вдруг мысль о муже сладким холодом пробежала по всему моему телу, краска стыда и внезапной страсти залила мне лицо и, спрятавшись под одеяло, я крепко прильнула лицом к подушке... Я лежала долго, без мыслей, точно в забытии, и только наслаждалась тем, что во мне происходило. Потом стало представляться, что я одна во всей усадьбе, уже замужняя, и что вот в такую же ночь муж вернется когда-нибудь из города, войдет в дом и неслышно снимет в прихожей пальто, а я предупрежу его — и тоже неслышно появлюсь на пороге спальни... Как он должен обрадоваться и засмеяться, как он легко поднимет меня, полураздетую, на руки! И мне уже стало казаться, что я люблю его. Сиверса я знала тогда мало, мужчина, с которым я мысленно проводила эту самую нежную ночь моей первой любви, был не похож на него, и все-таки мне казалось, что я думаю о Сиверсе. Я почти год не видала его, а ночь делала его образ еще более неопределенным, красивым и желанным. Было тихо, темно, я лежала, не двигаясь, и все более теряла чувство действительности. «Что ж, — красивый, умный...» приходили мне в голову слова отца. И я, улыбалась, глядела в темноту закрытых глаз, где плавали какие-то светлые пятна и лица. «Милый!» — повторила я несколько раз с мучительным наслаждением... А между тем чувствовалось, что наступил глубокий час ночи. «Если бы Маша была дома, — подумала я про свою горничную, — я бы пошла сейчас к ней, и мы проговорили бы до рассвета... Но нет, — опять подумала я, — одной лучше... Я возьму ее к себе, когда выйду замуж...» Что-то робко треснуло в зале... Я насторожилась. Как хорошо, что так жутко и так странно все! И когда я, наконец, открыла глаза, мне показалось, что в зале стало немного темнее, чем прежде. И все вокруг меня и во мне самой уже изменилось и жило иной жизнью, — особой ночной жизнью, которая непонятна утром. Соловьи умолкли, — медленно и таинственно щелкал только один, живший в эту весну у балкона, маятник в зале тикал осторожно и размеренно-точно, а тишина в доме стала напряженной и чуткой. И невольно прислушиваясь к каждому шороху, я приподнялась на постели и почувствовала себя в полной власти этого таинственного ночного часа, созданного для поцелуев, для воровских объятий, и самые невероятные предположения и ожидания стали казаться мне вполне естественными. Я вдруг вспомнила шутовское обещание

Сиверса придти как-нибудь ночью в наш сад на свидание со мной... А что, если он не шутил? Что, если он медленно и неслышно подойдет к балкону?— Боже мой, — подумала я с восторгом, — жизнь можно было бы отдать за такое счастье!Облокотившись на подушку, я пристально смотрела в зыбкий сумрак гостиной и, минута за минутой, переживала в воображении все, что я сказала бы ему едва слышным шепотом, отворяя дверь балкона, сладостно теряя волю и позволяя увести себя по сырому песку аллеи в глубину мокрого душистого сада... Сколько раз я мечтала в молодости о таких свиданиях, начитавшись стихов плохих поэтов, воспевающих соловьев и свидания, и как странно, что за всю мою молодость я пережила только одно вымышленное свидание!Точно во сне, — только в глубине души сознавая, что я делаю глупости, обманывая себя, как ребенка, — я стала медленно, подавляя внутреннюю дрожь, одеваться... Куда? К нему, — отвечала я себе твердо и радуясь тому, что я мысленно произношу это с такой решительностью... В августе, в жаркую темную ночь, я вот также не спала и томила, а он бродил по деревне и всю ночь пел где-то далеко казацкие песни... Разве это не может повториться? И помню, никакого стыда у меня не было, когда я собиралась. Зубы у меня изредка стучали, лицо горело, но я одевалась тщательно, нашла в темноте все, что нужно, накинула шаль на плечи и, выйдя в гостиную, с бьющимся сердцем, как вор, остановилась у двери на балкон. Потом, убедившись, что в доме не слышно ни звука, кроме мерного тиканья часов и соловьиного эхо, сильно и бесшумно повернула ключ в замке. И тотчас же соловьиное щелканье, отдававшееся по саду, стало слышнее, напряженная тишина исчезла, и грудь свободно и глубоко вздохнула душистой сыростью ночи.По длинной аллее молодых березок, по мокрому песку дорожки, я уверенно и быстро шла в полусвете зари, затемненном тучками на севере, прямо к гуще в конце сада, где была сиреневая беседка среди тополей и осин. Было так тихо, что слышно было редкое падение капель с нависших ветвей. Все дремало, наслаждаясь своей дремотой, только соловей томился своей сладкой песней. В каждой тени мне чудилась человеческая фигура, сердце у меня поминутно замирало, и когда я, наконец, вошла с бьющимся сердцем и расширенными глазами в темноту сиреневой беседки и на меня пахнуло ее теплотой, я была почти уверена, что кто-то тотчас же неслышно и крепко возьмет меня в объятия!Никого, однако, не было, и я стояла, дрожа от волнения и вслушиваясь в мелкий сонный лепет осин... Потом села на сырую скамью беседки... Я еще чего-то ждала, ждала почти безнадежно, но порою быстро взглядывала в сумрак рассвета. И еще долго близкое и неуловимое веяние счастья чувствовалось вокруг меня, — то нечто страшное и большое, что в тот или иной момент встречает почти всех нас на пороге жизни.Оно вдруг раскрылось предо мной и коснулось меня и, может быть, сделало именно то, что нужно было сделать: коснуться и уйти. Помню, впрочем, что все те нежные и сладкие слова, которые раздавались в моей душе и к которым я прислушивалась, вызвали, наконец, на мои глаза

слезы. Прислонясь к стволу сырому тополя, я ловила, как чье-то нежное утешение, слабо возникающий и замирающий лепет листьев и была почти счастлива своими медленными, беззвучными слезами... Я проследила весь сокровенный переход ночи в рассвет. Я видела, как сумрак стал бледнеть и таять, как заалело непогожее белесое облако на севере, сквозившее сквозь вишенник, в отдалении. Свежело, я крепче куталась в шаль, а в светлеющем просторе неба, который на глазах делался все больше и глубже, дрожа вставала чистая, как слеза, яркая и целомудренная Венера. Я ни о ком уже не думала, но кого-то еще любила, – и любовь моя была во всем: в холоде и аромате утра, в свежести зеленого сада, в этой яркой утренней звезде... Но вот послышался резкий визг водовозки, – кто-то ехал мимо сада на речку... Потом на дворе кто-то крикнул сиплым и свежим, утренним голосом... И сразу затаив глубоко в душе все, что мне дала эта ночь, я встала со скамьи, выбралась из беседки, быстро дошла до балкона, легко и бесшумно отворила дверь, и, войдя в теплую темноту своей спальни, тотчас же легла, не раздеваясь, в постель и заснула. Сиверс, который пришел к нам утром, стрелял в саду галок, а мне казалось, что в мою комнату вошел пастух и хлопает большим кнутом. Но это не мешало мне спать крепко, крепко. Когда же я, наконец, проснулась, в зале раздавались голоса и гремели тарелками. Потом к моим дверям подошли отец и Сиверс, и Сиверс весело крикнул мне: – Наталья Алексеевна! Стыдно! А мне, и правда, было стыдно, – стыдно выйти к нему после моей странной ночи, стыдно, что я откажу ему, – теперь я знала это уже твердо, – и, неловко торопясь одеться и поглядывая в зеркало на свое побледневшее лицо, я что-то шутиливо и приветливо крикнула в ответ, но так слабо, что он, верно, не расслышал.

«Свиданье» и «Счастье» не имеют, в отличие от рассказа «Заря всю ночь»⁶, деления на главы. Рассказы близки по тексту, оба бессюжетны, в обоих фиксируются душевное состояние героини и психологические изменения, вызванные картинами природы, словами отца, воспоминаниями, поступками, представляемым идеальным счастьем. Однако из-за внесенных писателем изменений смысл начинает меняться, каждый рассказ стал соответствовать своему названию, изображенному событию.

Так, помимо небольшой стилистической правки в начале рассказа «Счастье» Бунин несколько меняет характер главной героини. В «Свиданье», как нам кажется, ей в большей степени свойственно эгоистическое упоение привлекательностью, молодостью, свободой, ролью хозяйки, а повторы личных местоимений только усиливают это ощущение: «Я была одна... я не скучала... я не успела насладиться... я переживала... я была здорова... я сочиняла... я невольно улыбалась...». Вполне закономерна была фраза: «Я переживала тот период молодости, когда все кажется интересным», встречающаяся только в этом рассказе.

Прямое указание на возраст героини – семнадцать лет – уже не встретится в «Заре всю ночь», останется только косвенное – «после гимназии», но остается важным для писателя во всех трех

рассказах: «Я еще не успела насладиться ни своей(ю) ролью хозяйки, ни (своею(й)) свободой после гимназии».

Импульсивность, порывистость и смена настроений героини в «Свиданье» выражена широким диапазоном переживаний: внезапный приезд Сиверса «и обрадовал и испугал», и на душе стало «и хорошо и жутко», «хорошо и легко, и как-то счастливо-грустно». Героине свойственна большая эмоциональность и открытость. Узнав, что Сиверс приедет свататься, она смущается, на минуту ей «стал неприятен этот разговор», вызвавший неожиданно откровенный вопрос отцу: «Неужели я уже наскучила тебе?».

В поисках точной передачи чувств молодой героини писатель уходит от подробностей в их описании в рассказе «Счастье», оставляя некоторую недоговоренность, обрывистость фраз, позволяющую уйти от «прямолинейной чувственности»:

Рассказ «Свиданье»	Рассказ «Счастье»
И вдруг мысль о муже сладким холодом пробежала по всему моему телу, краска стыда и внезапной страсти залила мне лицо и, спрятавшись под одеяло, я прильнула лицом к подушке, и сознание у меня затуманилось от неизъяснимо-сладкого чувства.	И вдруг мысль о муже сладким холодом пробежала по всему моему телу, краска стыда и внезапной страсти залила мне лицо и, спрятавшись под одеяло, я крепко прильнула лицом к подушке...
И мне уже стало казаться, что я люблю его. Муж! Какое это большое и хорошее слово!.. Я крепче прижалась к подушке, не теряя нити сладких чувств и мыслей, и мне уже мучительно стало хотеться осуществления их.	И мне уже стало казаться, что я люблю его
«Милый!» – повторила я несколько раз с наслаждением и снова стала забываться в том неопределенном, что происходило во мне...	«Милый!» – повторила я несколько раз с мучительным наслаждением...

Интересна не только стилистическая правка. Бунин убирает предложение, нарушающее логику повествования: «Не спали только соловьи да заря на северо-западе, и мне казалось так естественно провести наедине с ними всю ночь», потому что героине предстояло еще убрать со стола, пройти в спальню, долго сидеть на кровати, собираясь о чем-то подумать (или собираясь что-то решить, как в «Счастье»), затем – внезапный сон и резкое пробуждение. Не оставляет писатель фразу: «пришла мне в голову трезвая мысль»⁷.

Изменения претерпевает, как нам кажется, и образ Сиверса. И в рассказе «Свиданье», и в «Счастье» героиня, «в августе, в жаркую темную ночь, я вот также не спала и томилась, а он бродил по деревне и всю ночь пел где-то далеко казацкие песни». В августе он уезжал в полк, ходил в «солдатской блузе с погонами и, как все вольноопределяющиеся, с удовольствием рассказывал о «словесности» фельдфебеля-малоросса», и то, что пел именно казацкие песни было обоснованно. Казацкие песни оригинальны и узнаваемы, они о том, что доводилось переживать казакам – тяжелая воинская служба и войны, молодецкая удаля и отвага, разлука с любимой и тоска по дому, надежда на радостную встречу. Пели часто без сопровождения – казак на войне, в дороге. Все переживания Сиверса могли найти отражение именно в казацких песнях. Но в рассказ «Заря всю ночь» этот фрагмент не вошел, видимо, автору нужен был менее романтический, скорее, приземленный образ. Возможно, Бунин вспомнил свои личные впечатления, зафиксированные в Дневнике 24 марта 1916 г.: «После

обеда стреляли в галок <...> Какое-то приторное, гадкое впечатление. Мы еще совершенные звери»⁸, и изменил текст.

В рассказе «Свиданье» Бунин больше внимания уделяет переживаниям героиней воображаемой романтической встречи с любимым и «нежной ночи моей первой любви»: она, «одна во всей усадьбе, уже замужняя», ночью ждет возвращения мужа из города. Слышит «звук колес и сдержанные голоса под крыльцом», муж снимает в прихожей пальто тихо-тихо, а она выходит к нему навстречу: «Как он должен обрадоваться и засмеяться, как он легко поднимет меня на руки, полураздетую, и крепко прижмет к сердцу!.. И мне уже стало казаться, что я люблю его. Муж! Какое это большое и хорошее слово!..». Воображаемое свидание с любимым обладает необыкновенной силой и яркостью, ей мучительно хочется осуществления «сладких чувств и мыслей». «Невероятные предположения и ожидания стали казаться <...> вполне естественными», а «таинственный ночной час, созданный для поцелуев, для воровских объятий» заставляет ее пережить в воображении свидание: «Соловей поет с такой затаенной страстью, в саду так все напоено ароматом, – и вот я едва слышно отворяю ему балкон, и он уводит меня по сырому песку аллеи все дальше от дома, в глубину мокрого сада, в душистую сиреневую беседку...». В рассказе «Счастье» писатель лишает этот фрагмент картинности и выразительности.

Читателю понятно, что героиня представляет идеальную картину семейного счастья, будущего избранника, но это не связано с реальностью, с жизнью, это возможно только в мечтах героини, начитавшейся «стихов плохих поэтов». Но расставаться со своими идеальными представлениями довольно сложно. Пережитое вымышленное свидание дает ей веру, что «все может быть, все может случиться».

Интересно наблюдать авторскую правку: Бунин то предложение уберет, то целый абзац, подбирает нужное слово для достижения большей выразительности и точности. Но все авторские изменения мотивированы.

Рассказ «Свиданье»	Рассказ «Счастье»
Я вдруг вспомнила шутливое обещание Сиверса придти как-нибудь ночью в наш сад на свидание со мной, и вот мне уже стало казаться, что это непременно случится сегодня. А что если он не шутил? Что если он медленно и неслышно подойдет к балкону? Боже мой, – думала я с восторгом, – что можно было бы отдать за такое счастье!	Я вдруг вспомнила шутливое обещание Сиверса придти как-нибудь ночью в наш сад на свидание со мной... А что, если он не шутил? Что, если он медленно и неслышно подойдет к балкону? – Боже мой, – подумала я с восторгом, – жизнь можно было бы отдать за такое счастье!
Облокотившись на подушку, я смотрела в зыбкий сумрак гостиной, и лицо у меня горело от волнения и я, минута за минутой, пережила в воображении все, что я сказала бы ему едва слышным шепотом, отворяя дверь балкона. Соловей поет с такой затаенной страстью, в саду так все напоено ароматом, – и вот я едва слышно отворяю ему балкон, и он уводит меня по сырому песку аллеи все дальше от дома, в глубину мокрого сада, в душистую сиреневую беседку... Сколько раз я мечтала в молодости о таких свиданиях, начитавшись стихов плохих поэтов, преимущественно воспеваящих соловьев и свидания, и как странно, что за всю мою молодость я пережила только одно вымышленное свидание!	Облокотившись на подушку, я пристально смотрела в зыбкий сумрак гостиной и, минута за минутой, переживала в воображении все, что я сказала бы ему едва слышным шепотом, отворяя дверь балкона, сладостно теряя волю и позволяя увести себя по сырому песку аллеи в глубину мокрого душистого сада... Сколько раз я мечтала в молодости о таких свиданиях, начитавшись стихов плохих поэтов, воспеваящих соловьев и свидания, и как странно, что за всю мою молодость я пережила только одно вымышленное свидание!

Следует заметить, что правка Бунина касается в основном характера, чувств и переживаний героини: героиня «Свиданья» слышит соловья, поющего «с такой затаенной страстью», чувствует, что в саду «все напоено ароматом», представляет «душистую

сиреневую беседку» и «тихо целовала мокрую ветку сирени». В «Счастье» же меньше «прелестных подробностей», нет тавтологии, он «сдержаннее», но не менее выразителен. Автор оставляет читателю простор для воображения.

Природная палитра – прелестные краски, оттенки, звуки практически остались прежними: «блестя белыми босыми ногами по траве», «реял странный, бледный полусвет», «светло-зеленое небо над лиловыми весенними тучками», «легкий сумрак ночи», «полусвет непогасшей зари», «заалело непогожее белесое облако», «свежесть зеленого сада».

Интересно проследить, как писатель добивается абсолютной точности изображения:

Интересно проследить, как писатель добивается абсолютной точности изображения:

Рассказ «Свиданье»	Рассказ «Счастье»	Рассказ «Заря всю ночь»
Гром грохотал над крышей, гулко разрастаясь, когда молния красным блеском мелькала по залу, от нависавших туч темно, а часы показывали половину двенадцатого, и трудно было понять, – действительно наступают сумерки или это только так кажется.	Гром грохотал над крышей, гулко разрастаясь, когда красноватая молния мелькала по залу, от нависавших туч темно, и трудно было понять, действительно наступают сумерки или это только так кажется.	Гром грохотал над крышей, гулко возрастая и разражаясь треском, когда мелькала красноватая молния, от нависших туч темно.

В большей степени автора интересуют движения и изменения душевных порывов героини, которые реализуются в сюжете, но в рассказах, как нам кажется, представлена их разная причинно-следственная связь. В рассказе «Счастье» важнее оказываются не переживания от воображаемого свидания с идеальным избранником, не упоение своей молодостью, одиночеством, любовью к себе и неосуществимому, а само счастье – состояние души⁹, вызванное картинами ночной и утренней природы, и это ощущение счастья вызывает такую душевную эйфорию, которую героиня старается как можно дольше продлить и сохранить.

Рассказ «Свиданье»	Рассказ «Счастье»
Никого, однако, не было, и <i>постояв</i> , дрожа от волнения и вслушиваясь в мелкий сонный лепет осин, я, наконец, села на сырую скамью беседки и <i>крепко закрыла горящее лицо холодными руками</i> . Я еще чего-то ждала, ждала долго, хотя уже почти безнадежно, и порою быстро взглядывала в сумрак рассвета. И еще долго близкое и неуловимое веяние счастья чувствовалось вокруг меня	Никого, однако, не было, и я <i>стояла</i> , дрожа от волнения и вслушиваясь в мелкий сонный лепет осин... Потом села на сырую скамью беседки... Я еще чего-то ждала, ждала почти безнадежно, но порою быстро взглядывала в сумрак рассвета. И еще долго близкое и неуловимое веяние счастья чувствовалось вокруг меня
<i>Прижавшись к стволу тополя, я тихо целовала мокрую ветку сирени</i> , ловила, как чье-то нежное утешение, слабо возникающий и замирающий лепет осины и была почти счастлива сознанием своей молодости и одиночества, и своими медленными, беззвучными слезами...	<i>Прислонясь к стволу сырому тополя, я ловила, как чье-то нежное утешение, слабо возникающий и замирающий лепет листьев</i> и была почти счастлива своими медленными, беззвучными слезами...
Я ни о ком уже не думала и чувствовала, что, скорее всего, я ни за кого не выйду замуж. Но кого-то я любила, – кажется, больше всего себя и то неосуществимое, чего мне хотелось. И любовь моя была во всем: в холоде и аромате утра, в свежести зеленого сада, в этой яркой утренней звезде...	Я ни о ком уже не думала, но кого-то еще любила, – и любовь моя была во всем: в холоде и аромате утра, в свежести зеленого сада, в этой яркой утренней звезде...

Рассказ «Счастье» в результате авторских изменений получил, как нам кажется, большую сдержанность, обобщенность, мягче зазвучал мотив счастья одиночества, то мироощущение, которое обрекает героиню на отсутствие семьи. «Свиданье» же больше наполнено конкретными, личностными переживаниями, сильнее, как нам кажется, звучит разрыв между мечтой, желаниями и реальностью, с которой не каждый может смириться.

Образ героини в «Свиданье» складывался в творческом сознании писателя, конечно, не без влияния знакомства и дружбы с Марией

Павловной Чеховой. Впервые они встретились в Ялте, во время гастролей Художественного театра в апреле 1900 г. (Чехова 1960, 233)¹⁰. Иван Алексеевич, «воспитанный, остроумный, живой, веселый человек», произвел на сестру писателя «очень приятное впечатление» (Чехова 1960, 234), Бунин ежедневно посещал дом Чехова, бывал в театре. 18 апреля в письме к брату Юлию Алексеевичу¹¹ он писал: «...был у Чехова, который, кажется, женится на Книппер, ухаживаю за Марьей Павловной Чеховой» (Летопись 2011: I, 349). Ей было тогда 37 лет, ему – 30, он только что пережил разрыв с женой, А. Н. Буниной (Цакни).

Встречался Бунин с Марией Павловной и осенью в Москве, они сблизилась, ценили взаимное расположение и дружбу, именно она пригласила его погостить зимой в чеховском доме в Ялте. Позже он так вспоминал об этих днях: «Жить в Аутской даче мне было приятно <...> Подолгу вел разговоры с матерью Чехова. С Марьей Павловной мы иногда откровенно беседовали. Она, добродушно хохоча, много рассказывала о Левитане, который называл ее Ма-Па, хорошо его изображала» (Бунин 1967: IX, 192–193). Вероятно, рассказывала о его влюбленности и сватовстве. По дороге из Бабкина, где Чеховы проводили лето, она однажды неожиданно встретила Левитана, который вдруг упал на колени и стал объясняться в любви: «Милая Мафа, каждая точка на твоём лице мне дорога...» (Чехова 1960, 43). Мария Павловна, по воспоминаниям, смутилась, ей стало стыдно, и она не нашла ничего лучшего, как повернуться и убежать. Рассказав брату о случившемся, она призналась, что не знает, как и что нужно сказать Левитану. Чехов ответил: «Ты, конечно, если хочешь, можешь выйти за него замуж, но имей в виду, что ему нужны женщины бальзаковского возраста, а не такие, как ты» (Чехова 1960, 43). Ей стыдно было признаться, что она не знает, что такое «женщина бальзаковского возраста», но поняла, что брат ее от чего-то предостерегает. Левитану она ничего не ответила, неделю он ходил по Бабкину мрачной тенью, но, как вспоминает Мария Павловна, вскоре она «привыкла и стала вновь встречаться с Левитаном. На этом весь наш “роман” и закончился» (Чехова 1960, 43–44). Они оставались друзьями, художник не раз говорил Марии Павловне и повторил незадолго перед своей смертью: «Если бы я когда-нибудь женился, то только бы на вас, Мафа...» (там же, 44).

Вполне возможно, что сестра Чехова во время откровенных бесед рассказывала о сватовстве к ней в Воскресенске в 1884 г. поручика Евграфа Петровича Егорова, с которым тогда нередко встречалась. Мария Павловна так рассказывает об этом: однажды

нежданно-негаданно я получаю от него письмо, в котором он в серьезных выражениях делает мне предложение. Мне, тогда юной девушке¹², еще ни разу не приходила в голову мысль о замужестве, и я в недоумении показала это письмо Антону Павловичу и спросила, как в таких случаях нужно отвечать. Брат прочитал письмо, успокоил меня и сказал, что это дело он сам уладит. (Чехова 1960, 34–35)

Как Чехов уладил это дело, осталось неизвестным, но писем от поручика сестра писателя больше не получала и продолжала как ни в чем не бывало встречаться с ним.

Можно предположить, что Бунину стало известно и о сватовстве полтавского помещика А. И. Смагина, с которыми Чеховы познакомились и подружились в 1888 г. у Линтваревых в имении на Луке под Сумами. Фотография красавца Александра Ивановича была (и есть) в семейном альбоме в Ялте. Возможно, Бунин и Мария Павловна рассматривали альбом, и она вспоминала, как они с братом ездили к Смагиным в гости, имение было велико, старо, запущено, и для нее не было большой неожиданностью, когда А. И. Смагин сделал ей предложение: «Александр Иванович был красивым мужчиной и интересным человеком, нравился мне, и хотя сейчас трудно сказать, любила ли я его тогда, но я задумалась о своем замужестве» (Чехова 1960, 76). Она долго не отвечала ему и не говорила в семье о предложении, но как-то решилась поговорить с братом, который ничего не ответил, но она почувствовала, что новость неприятна ему. Любовь к брату и привязанность к нему решили дело, она «не смогла пойти на то, чтобы причинить брату неприятность, расстроить привычный образ его жизни, лишить его той творческой обстановки, которую <...> всегда старалась создавать ему» (Чехова 1960, 76–77). В ответ на отказ Смагин прислал резкое письмо с упреками. Эту любовь он пронес через всю жизнь.

А. П. Кузичева точно заметила, что Марии Павловне, если бы она стала женой А. И. Смагина,

пришлось бы жить среди хороших людей, не знающих, как управиться с огромными земельными угодьями и ветшающим домом, она стала бы полтавской помещицей, для которой приезд случайного гостя – событие целого года, а вся жизнь – сожаление о несбывшемся, несостоявшемся, о былом.

(Кузичева 2004, 340)

Конечно, это сегодняшний взгляд на эту историю, но Бунину Мария Павловна, если и рассказывала о любви и сватовстве Смагина, то именно так, как вспоминала в книге «Из далекого прошлого». Это сегодня мы понимаем, что она предпочла быть и оставаться сестрой Чехова и хозяйкой его дома, возможно, это было «скрытое предчувствие Бунина» (Кузичева 2004, 376).

В рассказе «Свиданье» есть ответ каждой из этих трех историй. Не случайно Ольга Леонардовна, с которой Мария Павловна была дружна и откровенна, прочитав рассказ Бунина с посвящением, видимо, поняла, что Марии Павловне очень не хотелось расставаться с тем, что она любила – свободой и независимостью. Ей была очень дорога роль хозяйки чеховского дома, она ею фактически осталась даже после женитьбы брата. Имея возможность устроить свое семейное счастье, она осталась, как точно определил Бунин в рассказе «Свиданье», «счастлива сознанием своей молодости и одиночества», чувствовала, что, скорее всего ни за кого не выйдет

замуж, потому что «любила, – кажется, больше всего себя и то неосуществимое, чего <...> хотелось».

Отношения Бунина и Марии Павловны после публикации рассказа переживут еще два сильных эмоциональных взлета¹³, но в 1904 г., если верить воспоминаниям В. Н. Буниной, или к 1907 г., времени публикации «Счастья», писатель уберет из рассказа личностно-сокровенное, снимет и посвящение. И это уже будет не «Свиданье» с М. П. Ч., а «Счастье»...

Referencias

- Бунин, И. А. 1965. Повести и рассказы 1890–1909. *Бунин, И. А. Собрание сочинений*. Москва: Художественная литература. Т. 2.
- Бунин, И. А. 1967. О Чехове. *Бунин, И. А. Собрание сочинений в 9 т.* Москва: Художественная литература. Т. 9, 169–250.
- Бунин, И. А. 2003. *Письма 1885–1904 годов*. Москва: ИМЛИ РАН.
- Иванова, Н. 2018. Дон Зинзага и Амаранта (И. А. Бунин и М. П. Чехова). *Literatura* 60(2), 7–27.
- [Колл. авторов] 2011. *Летопись жизни и творчества И. А. Бунина*. Москва: ИМЛИ РАН. Т. 1 (1870–1909).
- Книппер-Чехова, О. Л. – Чехова, М. П. 2016. *Переписка*. Москва: Новое литературное обозрение. Т. 1: 1899–1927.
- [Колл. авторов] 1907. *Корабли. Сборник стихов и прозы*. И. Н. Холчев и К°. Кузичева, А. П. 2004. *Чеховы. Биография семьи*. Москва: «Артист. Режиссер. Театр».
- Муромцева-Бунина, В. Н. 1989. *Жизнь Бунина. Беседы с памятью*. Москва: Советский писатель.
- Чехова, М. П. 1960. *Из далекого прошлого*. Москва: Гослитиздат.

сноска

- 1 «В этом же номере журнала «Русская мысль» было напечатано стихотворение Бунина «На озере» (“На озере, среди лесов зеленых...”).
- 2 «РГБ ОР. Ф. 331. К. 87. Ед. хр. 54.
- 3 «Перед названием рассказа посвящение обозначено только тремя буквами: «М. П. Ч.».
- 4 «Усадьба К. С. Алексеева (Станиславского) на реке Клязьма, где с 5 июля по 14 августа 1902 г. отдыхал Чехов с женой.
- 5 «Ответное письмо Марии Павловны не сохранилось, как и следующее О. Л. Книппер. Очередное письмо М. П. Чеховой датируется только 17 августа.
- 6 «Нас интересуют в большей степени рассказы «Свиданье» и «Счастье», текст «Заря всю ночь» дается по собранию сочинений (Бунин 1965: II, 216).
- 7 «Бунин 26 марта 1916 г. оставляет в дневнике запись после прочтения пьесы А. Вознесенского «Актриса Ларина»: «Я чуть не заплакал от бессильной злобы. Конец русской литературе! Как и кому теперь докажешь, что этого безграмотного удавить мало! Герой – Бахтин – почему он с такой дворянской фамилией? – называет свою жену Лизухой. “Бахтин, удушливо приближаясь...” – “Вы обо мне не тужьте...” (вместо

- “не тужите”) и т. д. О, Боже мой, Боже мой! За что Ты оставил Россию!» и 8 апреля: «Никогда в русской литературе не было ничего подобного. Прежде за одну ошибку, за один неверный звук трепали по всем журналам. И никогда прежде русская публика не смотрела на литературу такими равнодушными глазами». Режим доступа: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/dnevnik-bunina-9.htm> [см. 12 01 2019].
- 8 «Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/85902> [см. 13 05 2020].
- 9 «Бунин вместо точного указания в двух первых рассказах на вечернее время – «знаешь, который уже час? Почти десять» – добавляет фразу: «знаешь, который час? Ведь теперь всю ночь заря, заря зарю встречает, как говорят мужики», и рассказ «Заря всю ночь» начинает менять смысл и соответствовать своему названию.
- 10 «В Ялту из Севастополя МХТ приехал 14 апреля 1900 г.
- 11 «Бунин Юлий Алексеевич (1857–1921) – брат И.А. Бунина, журналист, литературно-общественный деятель.
- 12 «Марии Павловне в августе 1884 г. исполнился 21 год.
- 13 «См. об этом в нашей статье: (Иванова 2018, 7–27).